

Раздел 3. Человек в модернизирующемся обществе. Проблема социального выбора

ДИЛЕММЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ДИВЕРСИФИЦИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

В данном разделе авторы с разных позиций размышляют о проблеме усложнения идентификации в современном быстро меняющемся и усложняющемся социуме. Они концептуализируют тот сложный выбор, который вынуждены совершать как индивиды, так и социальные и этнокультурные группы в силу множественных вызовов сегодняшнего мира. В статьях раздела говорится о плавающем соотношении партикуляризма и универсализма, традиционализма и модернизации в нынешних трактовках социокультурной динамики. Авторы осмыслиют особенности культурной политики на локальном и глобальном уровнях, специфику менеджмента в сфере процессов социальной идентификации. Все эти, на первый взгляд, разноплановые вопросы представляют собой, в сущности, грани одной проблемы — нового понимания глубинных онтологических, экзистенциальных, психологических сдвигов современного субъекта как, прежде всего, «социального животного», по терминологии американского социолога Дэвида Брукса¹, в условиях транзитного диверсифицирующегося общества с не всегда ясными перспективами и не до конца сформировавшимися моделями социального позиционирования.

¹ *Brooks, David.* The Social Animal. The Hidden Sources of Love, Character and Achievement. N.-Y., 2011.

В этом смысле важна работа В.Г. Николаева «Идентичность и социальная структура», которая представляет собой обобщение и вдумчивый анализ взглядов Дж.Г. Мида на проблемы создания и функционирования идентичностей в меняющемся, модернизирующемся социуме. В первой части автор останавливается на связи различных сторон идентичности, свойственных модерности, с изменениями в структуре общества и человеческого опыта, характерными для этого этапа. Здесь он обращается к понятиям перцепции, установки, механизма действия, основанного на принципиально двойственной манипуляции, контекстуальной природы социального мира и объекта, как они понимались Мидом. Вслед за ним, В.Г. Николаев разделяет текучую, множественную, постоянно расшатываемую концепцию идентичности. В связи с этим он акцентирует пространственный аспект зоны манипуляции, подчеркивает возможность укоренения сегментов деятельности в разных территориальных нишах, предлагает акцентировать социально-экологическое измерение территориального распределения деятельности человека, апеллируя, в частности, к концепции гетеротопий Мишеля Фуко и идее мест множественных вовлечений.

Следующий научный авторитет, от идей которого отталкивается В.Г. Николаев, это Г. Блумер с его концепцией сцепленного действия. Автор привносит в нее понятие сети узлов как регулярных автономных потоков взаимодействия, отмеченных контролем доступа к участию и соединенных коммуникативными каналами. Именно в этих узлах, нередко территориально привязанных, и рождаются идентичности. В.Г. Николаев недвусмысленно указывает на сцепленность идентификации с конфигурацией географического места того или иного узла.

В заключительной части работы он анализирует трансформации идентичности, сопряженные с процессом модернизации, опираясь на авторитеты Э. Дюркгейма и Э. Спенсера. Автор акцентирует территориальный аспект расширения сетей коллективного действия в результате модернизации, указывая на порождение слабых, текучих, плохо определенных идентичностей и таких же культур, на процессы маргинализации, идущие рука об руку с модернизацией. Далее, В.Г. Николаев отмечает дистанционное переживание сцепленных действий и опыта — не физическое, а абстрактное, увеличивающуюся поверхностность вовлечения в действие и размывание границ групповой идентификации, а также пестроту и растущую дифференциацию сред, парадоксально сочетающуюся сегодня со все большей физической инертностью человека. И в самом деле, нам уже не нужно путешествовать, чтобы получить опыт, принять участие в некоем действии, причем необязательно не только ехать в другую страну, но и даже просто выходить на улицу.

На мой взгляд, наиболее тревожный и лишь пунктиром намеченный в статье В.Г. Николаева вывод о росте абстрактности опыта современно-го человека (не за счет научности, а в силу усиления влияния «далеких анонимных чужаков» с непрозрачными интенциями), чреватом неизбежной манипуляцией сознания, пожалуй, является самой интересной позицией этого насыщенного обзора и требует дальнейшей разработки.

Следует сказать несколько слов и о весьма интересной статье О.Н. Астафьевой «Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и ускорение становящегося». В ней автор продолжает начатый в прежних своих работах междисциплинарный анализ эволюции коллективной идентичности в условиях многочисленных вызовов современной изменчивой социокультурной среды. Новые обороты национально-культурной идентификации (термин автора) в эпоху глобализации сопоставляются с гражданскими проявлениями национального самосознания на примере современной России. Автор статьи постоянно подчеркивает, что самоорганизационные процессы становления идентичности находятся в состоянии неустойчивого равновесия с процессами осознанного и целенаправленного конструирования коллективных идентичностей, в частности, в области государственной культурной политики.

Анализируя основные элементы социокультурной динамики, контакта, взаимодействия в современном обществе, О.Н. Астафьева пытается реанимировать и реабилитировать мультикультурную модель, признанную неуспешной рядом европейских государств, но вполне реализованную в таких бывших белых поселенческих колониях, как Канада и (в меньшей мере) США. Правда, в кратком обзоре давно известных и описанных в науке типов мультикультурализма, автор почему-то ссылается не на первоисточники, в которых они были теоретизированы около двадцати лет назад (имеются в виду работы Л. Берланта, Ч. Тейлора, Г.Л. Гейтса мл., Р. Стэма и Э. Шохат и др.), а на значительно более позднюю работу А. Токтосуновой, изданную в Бишкеке.

В качестве основной конфликтной дихотомии в обсуждении российских откликов на глобализацию автор привычно рассматривает дихотомию западной и национальной культуры (по умолчанию, современной и традиционной, отсюда и появление в статье дискурса «переходности»), которая сама в условиях глобализации не выдерживает критики, так как мультикультурализм – модель западная и при этом полиэтничная. А в случае с Россией, пытающейся натянуть узкую кожу стандартизированного национального государства, скроенного вновь по западному образцу, на корчащееся тело еще полуживой империи, если воспользоваться

метафорой украинского писателя и поэта Юрия Андруховича, такое противопоставление и вовсе теряет смысл.

Автор статьи неоднократно предлагает идеальные модели коллективных идентичностей, в особенности, для России, причем делает это в такой модальности, что они предстают как якобы уже реализованные, хотя неизменно вынуждена добавлять в конце, что пока все это остается иллюзиями, пустыми декларациями и законами на бумаге. Добавлю, что эти иллюзии имеют очень мало общего с современной отечественной и мировой социальной и культурной реальностью, означенной конфликтами, властными асимметриями, чудовищным неравенством, аномией, нетерпимостью к другому, ксенофобией и расизмом. И российская государственная политика в области культуры, увы, уже не способна даже возродить советский театральный мультикультурализм и «дружбу народов», а тем более предложить альтернативную модель коллективной идентификации, но лишь разжигает эти многочисленные конфликты и столкновения. Поэтому в последней части статьи автор вынужденно прибегает все чаще к сослагательному наклонению и проективным, еще не реализованным моделям.

Одним из рецептов выхода из сложившей сложной ситуации О.Н. Астафьева считает поддержку уже существующих и вновь создаваемых экспертных дискуссионных площадок, которые бы находились в диалоге и с властью и с гражданским обществом. Автору хочется возразить, что пока даже намек на такой диалог с властью не наблюдается, а создание гражданского общества в России давно стало вечно отодвигаемым в будущее как горизонт проектом. И все же О.Н. Астафьева заканчивает статью на мажорной ноте, утверждая, что именно в России с ее многовековым опытом «государственной жизни в условиях этнокультурного и конфессионального многообразия» возможна реализация мультикультурализма, провалившегося в Западной Европе. Будем надеяться, что ее оптимизм не окажется целиком беспочвенным.

Особого внимания заслуживает насыщенная идеями из самых разных областей социального знания, многоплановая работа О.А. Митрошенкова. Ее новизна состоит, прежде всего, в удавшейся попытке посмотреть на идентичность как на социокультурный проект через призму управленческой проблематики. Автор стоит в целом на современной конструктивистской позиции в трактовке идентичности, четко осознавая, что все идентичности в современном мире создаются намеренно, иногда самими людьми, а иногда и теми, кто стремится ими управлять. Поэтому так важно понять логику, закономерности, этику процессов идентификационного менеджмента, осознать, кто конструирует и навязывает иден-

тичности и с какими целями. Об этой проектной, по Кастельсу, стороне и типологии идентичности говорят и другие авторы раздела, в частности, Н.Г. Михайлова, хотя в ее исполнении проектирование идентичностей выступает в большей мере в виде консервации традиционной культуры, тогда как в работе О.А. Митрошенкова акцентируются связанные с социально-политическим контекстом и потому более опасные и одновременно, важные для всего социума стороны проектирования идентичностей. В частности, это касается пробуксовывания проекта создания гражданской идентичности в России.

Автор работы абсолютно прав, когда утверждает, что в отечественной традиции практически никто не связывал идентичность и менеджмент, что, на мой взгляд, связано со склонностью к примордиалистским толкованиям идентичности, распространенным в отечественной традиции и сегодня. К счастью, О.А. Митрошенкова отличает гораздо более взвешенная научная позиция по данному болезненному вопросу. Рассматривая возможности управления идентичностью как проектом, он справедливо отмечает, что в отличие от бизнеса или государственных корпораций, степень управляемости и предсказуемости здесь будет иная, более низкая. Автор называет это управляемым хаосом, обращаясь к терминологии синергетики. Интересны и его размышления о необходимости и возможности трансформации процесса идентификационного менеджмента в более позитивное и продуктивное русло и, соответственно, восприятие им отрицательной идентичности как результата плохого управления или его отсутствия.

В качестве удачных примеров осуществления управления идентичностью автор приводит пример Просвещения, распространения христианства, Атлантический транзит и африканскую работоторговлю. Из негативных примеров он обращается к случаю Косова, к истории Галиции и Вольни, присвоенных Австро-Венгерской идентичностью, что привело к стиранию русской грани идентификации их жителей. Впрочем, на мой взгляд, последнее есть типичный пример имперской логики «черной легенды», использовавшейся на протяжении столетий для очернения империи-противника и обеления самих себя. Этим страдали все империи современности, от Британии до Османского султаната, от Австро-Венгрии до России.

Наконец, О.А. Митрошенков выделяет и влияние «мягкой силы» как фактора смены идентичности. На мой взгляд, сегодня это наиболее эффективный и часто встречающийся подход, прекрасно иллюстрируемый распадом СССР. В заключение автор обращается к анализу роли интернета и информационных сетей в (пере)форматировании идентичностей,

останавливаясь на феномене информационной повестки дня и сетевых войн, которые выступают мощнейшим средством управляемого идентификационного творчества и агентом колонизации сознания огромных масс людей.

В статье Н.Г. Михайловой рассматриваются два разнонаправленных процесса в современной культуре – универсализация в рамках глобализационных тенденций и консервация культурных различий. Автор останавливается подробно на определении идентичности человека традиционной народной культуры, приводит примеры из русского фольклора и классической литературы. Затем Н.Г. Михайлова переходит к краткому историческому экскурсу разворачивания идентичности человека Нового и Новейшего времени, отмечая, вслед за У. Бекком и другими теоретиками, стирание территориально-локальных идентификационных привязок, отказ от топоса и локальной истории как прежде важнейших сигнификаторов идентичности. Автор отмечает возрождение интереса к этнокультурным идентичностям в условиях глобализации и глокализации, глобальной унификации и глобальной же диверсификации.

Эти тенденции увязываются Н.Г. Михайловой с усилением роли проектного начала в культуре, с возрастанием роли индивида, который не только создает, но и потребляет культуру. Традиция начинает существовать преимущественно вне «аутентичного социального контекста». Становятся необходимы особые формы вставания этой антикварной «омузеенной» традиции в современную жизнь, которые и перечисляет автор. Далее она останавливается на возможных типах смещений в рамках проектных форм культуры, акцентируя их важность для российской традиции, где традиционная культура практически не сохранилась.

М.В. Глостанова